

ОН —
ЕЁ ЗАЩИТА.
ОНА —
ЕГО СЛАБОСТЬ.

ПАРТИЯ *в молчании*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэйби Даркс

Партия в молчании

<https://litres.ru/74612777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в мою игру.

Ты думаешь, что я — жертва? Хрупкая птица в золотой клетке? Ты думаешь, что можешь меня спасти?

Правила просты:

1. Не верить никому (Особенно мне).
2. Не влюбляться в монстров (Даже если они обещают защиту).
3. Помнить, что у каждой игрушки есть острые края.

Наш контент может ранить:

Сцены насилия и секса без правил.

Упоминание прошлого, которое лучше забыть.

Ложь, манипуляции и кровь.

Ты готов играть?

18+

Дарья: Я жена его босса. Он думает, что я жертва, что я заложница золотой клетки, которую заставили отдать ключи от своей свободы. Я люблю эту роль; она скрывает демонов, которые сидят внутри меня после того, что произошло в моём прошлом. Он пытается понять и вскрыть меня. Что ж, игра начинается.

Арес: Я наёмный убийца, которого нанял её муж. Она выглядит хрупкой, в её глазах я увидел то, что видел у многих женщин за всю свою жизнь. Обычно мне плевать, я не лезу в чужие жизни и выполняю свою работу безупречно, но в этот раз я захотел стать защитником.

Содержание

Глава 1. Шёлк	5
Глава 2. Кровь	11
Глава 3. Шёлк	16
Глава 4. Кровь	24
Глава 5. Шёлк	32
Глава 6. Кровь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мэйби Даркс

Партия в молчании

Глава 1. Шёлк

В шахматах кричать бесполезно. Либо ты делаешь ход, либо молчишь и ждёшь, пока тебя съедят.

Два года назад.

Здесь холодно. Как всегда холодно и грязно. Моё тело должно тянуться к теплу, но в горле встаёт комок тошноты. Я уже не чувствую того, что должна бы чувствовать, как обычный человек.

А человек ли я уже? Не знаю. Задаюсь этим вопросом уже несколько месяцев подряд. Что же я должна чувствовать в тёмном переулке, пока лежу под потным, грязным мужчиной, у которого изо рта пахнет хуже, чем в любом месте Нью-Йорка. Ощущаю себя просто телом, которое используют так, как хочет тот, кто платит деньги.

Это весело, правда. Весело смотреть на проплывающие облака, которые я вижу чаще, чем хотелось бы. Где же

солнце, которое я так любила всю свою жизнь? От разду-
мий меня резко выдёргивает звонкая пощёчина. Голова дёр-
гается, и я слышу, как скрипят мои собственные зубы. На
языке расплзается что-то солёное и липкое — я прику-
сила щёку. Кровь смешивается со слюной, и мне приходит-
ся сглатывать её, чтобы не подавиться. Это закончится.
Это скоро закончится.

— Я же сказал смотреть на меня, когда я заканчиваю, —
прорывал мне в ухо низкий голос мужчины, который сейчас
нависает надо мной, обжигая мою кожу своим грязным и
вонючим дыханием.

Я перевожу свои глаза от облачков на лицо этого муж-
чины. Он смешино дёргается. Я чувствую, как мелкий гравий
впивается мне в лопатки, царапая кожу. Это раздражает.
Больше, чем сам процесс. Я мысленно считаю эти камешки,
чтобы не всматриваться ему в лицо. Один, два, три... Я не
чувствую боли. Я уже давно не чувствую боли. Интересно, а
этот шрам у него на щеке болит в плохую погоду? Это явно
раньше было ножевое ранение, наверное, ему было больно. А
должно ли быть больно мне, когда асфальт царапает мне
спину? Не помню. Наверное, раньше было бы больно... но я
уже просто оболочка для тени того, что раньше было ду-
шой.

Он корчится, и от этого на его лице появляется ещё боль-
ше морщин, а серые, почти бесцветные глаза немного исче-
зают под его веками. Это приносит мне облегчение, это все-

гда означает то, что они заканчивают, и скоро я уже смогу купить себе хотя бы горячую булочку в захудалом кафе напротив этого переулка. Даже сейчас я помню её вкус. Мягкая, тёплая, сладкая, но с щепоткой соли, которая только добавляет вкусовой экстаз. Если только Дэш не найдёт мне ещё одного клиента, ведь он всегда считает, что его девочки могут работать круглые сутки без перерывов и не устывать. Ведь как можно устать от работы шлюхи, верно?

Мужчина с глухим рыком вышел из меня и поднялся на ноги, отряхнув свои брюки и застегнув ширинку. Он бросил на меня последний взгляд, словно это я была грязной и сама заставила его заплатить за секс со мной. Я знаю этот взгляд. Видела его у десятков мужчин до этого. В своих мыслях они оправдывают себя за то, что только что произошло. За то, почему они здесь, с проституткой, а не дома, с женой и детьми. Но это они грязные. Они сами выбирают быть здесь. Они сами выбирают ощущение мнимой власти над чьим-то телом. У таких мужчин практически всегда есть жена, а ещё чаще дети.

Дети, дети, дети... Я тоже когда-то была ребёнком. Но я была брошенным ребёнком, ненужным балластом, грушей для битья злых взрослых, которые работали в моём приюте, а потом в приёмных семьях. Меня перевозили из одного места в другое, из одной страны в другую, но я так и не нашла себе дом. Может, я просто неправильная? Может быть, я делаю что-то не так? Нет... Просто этот мир

уже давно сгнил для того, чтобы понять меня. Для того, чтобы принять меня такой, какая я есть на самом деле.

Меня опять вырывают из моих мыслей, но теперь уже это Дэш. Он хватает меня за предплечье и дёргает с асфальта, чтобы я наконец встала на ноги. Теперь моя спина чувствует прохладный ветер вместо мокрого асфальта, который уже нагрелся от моего тела.

— Урод заплатил мне меньше из-за твоего чёртового непослушания, — недовольно и даже раздражённо проговорил Дэш, помогая мне обратно надеть моё платье, хотя это едва ли можно было назвать помощью. — Ты опять начинаешь свои... причуды. Если такое повторится, то будешь постоянно стоять на улице.

Я должна была испугаться? Смешно... Я и так большую часть дня провожу на улице. Этот идиот бы не выдержал и половины того, что я прожила. Станные предпочтения клиентов, но, оказывается, им это нравится. Эта запретность, этот небольшой шанс, что заметят копы и начнутся проблемы. Но этого никогда не происходит, никто никому ничего не запрещает. Никто не заглянет в этот тёмный переулок, никто не заметит того, что происходит. Никто не поможет мне, хотя я уже давно забыла это слово. Его нет в моей жизни и никогда не было. Я всегда справлялась со всем сама. Я всегда сама сохраняла этот огонёк внутри себя, раздувая его, пока его пытались затушить все, кого я когда-либо встречала.

Но я всё равно слегка кивнула на слова Дэша. Даже постаралась сделать максимально виноватое выражение лица, будто у меня ещё остались какие-нибудь эмоции. Хотя нет, эмоции остались... Безднадёжность и принятие. Для меня это единственные эмоции, которые я могу почувствовать. Или это не эмоции? Впрочем, для меня это не имеет никакого значения.

Дэш дал мне десять долларов. Одна бумажка. Гамильтон сейчас смотрит на меня с этой купюры, и я почти представляю, как он сейчас злорадно смеётся. Но я лишь снова киваю и сворачиваю эти десять долларов, сминая их в кулаке, сжимая челюсти сильнее. Они платят больше. Намного больше. Нечестно, что Дэш забирает 99% от прибыли. Но у него мой паспорт, мои вещи и моя жизнь. Мне нельзя возражать. Я пока не смогу противостоять этой несправедливости, которая так усердно пытается потушить мой огонёк жизни. Но это только пока. Я справлялась и с вещами похуже в моей грёбаной жизни.

Я уже отворачиваюсь в сторону выхода из переулочка к кафе на углу, как вдруг раздаётся знакомый, отчётливый выстрел пистолета, который слышно даже с глушителем. Я не вздрагиваю, не вскрикиваю. Я уже привыкла к неожиданным моментам, тем более выстрел был не в меня.

Я медленно поворачиваюсь обратно и смотрю на асфальт. Дэш лежит с характерной дырой прямо во лбу. Так ему и надо, ублюдок. Хочу его уже пнуть, как мечтала все-

гда. Но в переулке раздаётся звук тяжёлых шагов, и я поднимаю взгляд. Мужчина. Нет, мужчины. Опасные мужчины. И все они смотрят на меня.

Я смотрю на них. На него. И впервые за долгое время чувствую, что меня видят. Не тело. Не дыру между ног. Меня. Это напрягает больше, чем ствол пистолета, который всё ещё дымится в его руке.

Глава 2. Кровь

Я не верю в предчувствия. Но когда фигура смотрит на тебя сквозь дождь, это не предчувствие. Это приговор, который еще не зачитан.

Я чёртов наёмный убийца. Моё имя произносят шёпотом в определённых кругах не только в Нью-Йорке, но и во всей Америке. Но уже как три дня меня нанял Винсент Гаттони. Он считает, что если он босс, то может распоряжаться любыми людьми так, как сам пожелает... Да, может, потому я и сижу в его особняке, даже не выходя за территорию, уже 72 часа.

Он нанял меня выявить предателя, крысу, которая пробралась внутрь и вытаскивает его секреты на поверхность. Следить, найти, убить. Это то, что мне нужно сделать. Обычно же я просто убиваю, не считаясь с тем, кто может ещё пострадать. Но Гаттони платит хорошие деньги. Если бы я ему отказал, то он бы нашёл способ меня убедить, даже если, по моему мнению, у меня нет слабых мест. Не знаю, какой из вариантов меня убедил больше, но один из них меня убедил.

Три дня. Мой ритуал неизменно прост: пью виски, чищу

свой пистолет — он же и мой единственный верный друг — и наблюдаю. Наблюдаю за слугами, которые постоянно спуют по каждому углу особняка, за охранниками, которые расставлены по всему периметру, как каменные горгульи. Этот особняк — чёртова крепость. Я даже не представляю, кто в своём уме мог решиться на то, чтобы пойти против Винсента Гаттони. Но по своему опыту знаю — всегда найдутся идиоты, которые решили пойти против системы.

Единственное, чего я не видел, а точнее, кого — жену Винсента. Дарья Гаттони. Её я подозреваю в первую очередь. Очередная жена-трофей, жена-жертва или даже жена, которая повелась на власть, которая её в итоге и погубит. Принцип работает всегда, безотказно и типично. Очередная женщина, обиженная на жизнь и на мужа, который оказался не таким, как она себе представляла, и теперь решила отомстить, извлечь для себя какую-либо выгоду, не думая о последствиях.

Я стою около окна своей комнаты, которую мне выделили на время моего «расследования». В руках, как обычно, стакан односолодового виски, но я не сделал ни глотка. Я наблюдал через окно за садом на заднем дворе. Дождь в Нью-Йорке идет уже четыре дня непрерывно; никто в здравом уме не станет выходить из тепла дома без причины. Но всё же я заметил фигуру.

Сначала я подумал, что это какой-то призрак. Присмотрелся, но нет, не призрак... Молодая женщина. Хрупкая, по-

что призрачная фигура в белой рубашке, которая ей явно не по размеру, и со светлыми волосами, которые доходят ей до поясницы и немного потемнели от дождя. Вот она. Жена Винсента. Действительно выглядит как жертва, потерянная в этом мире крови и власти.

Я не мог чётко рассмотреть её лица из-за расстояния и чёртового проливного дождя, который барабанил по стеклу окна, как набат. Но уже через несколько секунд в сад вышла другая фигура. Винсент. В своём неизменно чёрном костюме от какого-то из итальянских дизайнеров, чьего имени невозможно произнести.

Он подошёл к ней сзади, положив свои руки ей на талию, от чего рубашка на ней слегка задралась, а контуры талии выделились под руками Винсента. Красивая, безусловно красивая.

Я отложил свой тяжёлый стакан в сторону, так и не сделав ни одного глотка, открыл окно и слегка выглянул наружу. Плевать на дождь, от которого волосы стремительно намокали и который скатывался по моему лицу. Теперь я видел ближе и лучше, но они не видели меня. Слишком увлечены друг другом.

Винсент поцеловал её в шею — жест собственника, видный даже издали. Но я наблюдал за её лицом. Только за её лицом. Не улыбнулась, не подалась навстречу поцелую, но и не отстранилась. Странно. Подозрительно.

В её глазах, серых или голубых, я не мог рассмотреть

цвет... что-то знакомое. Безднадёжность? Нет. Принятие? Нет. Отвращение? Точно нет. *Пустота*. Ни единого проблеска взаимности на действия Винсента. Она предатель. Я уверен в этом на 95%. На 100% в моём деле не может быть уверен никто, а я был лучшим.

Странно для женщины её типа: они хотя бы чувствуют отвращение или вину, а она — абсолютная пустота в самом извращённом её проявлении. Я нашёл зацепку, крючок, за который можно было зацепиться. Я должен был отвести взгляд, закрыть окно и начать копать под неё глубже. Но я не сделал ничего из этого. Наоборот, я слегка прищурился и наконец разглядел её глаза. Голубые, даже слишком голубые. Казалось, они могли заменить чистое небо в этом загрязнённом городе.

А затем произошло то, чего я совсем не ожидал. Она слегка повернула голову и посмотрела на меня, словно видела меня всё это время. В её глазах вспыхнуло что-то, что я не смог и не успел рассмотреть, проанализировать. А затем, словно ничего не произошло, она повернула голову к своему мужу и наконец слегка улыбнулась, всего лишь одними уголками губ. И теперь я уже не был уверен, улыбается ли она своему мужу или... *мне*.

Я резко отвёл голову обратно в комнату и с усилием закрыл окно. Я провёл рукой по своим мокрым волосам, но в моей памяти вновь и вновь появлялся этот взгляд. Эти глаза цвета чистого неба, которые смотрели прямо на меня. Я взял

в руку стакан, сжимая его крепче, чем нужно было, и выпил весь виски одним глотком. Но даже это не помогло мне избавиться от этих глаз.

Она, может, и была предателем, но что-то мне подсказывало — инстинкт, отработанный годами, или чёрт знает что — эта девушка была не так проста, как я думал о ней.

Её глаза... Глаза, глаза, глаза.

Глава 3. Шёлк

Всякий игрок знает: пешка у последней линии — это уже не пешка. Это вопрос времени. И одного хода.

— Винсент, *caro*, — шепчу, запрокидывая голову ему на плечо, чтобы он видел, как мои глаза становятся немного стеклянными. — У меня снова... *проблемы*. Мне нужно немного пространства.

Его хватка на моей талии сразу же ослабевает, теперь он лишь слегка касается. Он знает. С тех пор как он вытащил меня из того переулочка, он ни разу не позволил себе больше, чем я позволяю. А я позволяю ровно столько, чтобы он верил: я пытаюсь. Не отталкиваю. Не бегу. Просто сломанная кукла, которая медленно учится доверять.

— *Amore mio*, я всегда дам тебе то, что ты просишь, — пророкотал Винсент, полностью убирая руку с моей талии и отходя на шаг назад, но всё ещё не сводя с меня глаз. — Через час будет ужин. Тебе нужно отдохнуть.

Отдохнуть. Он думает, что я хрупкая. Что меня нужно чинить. Он не знает, что кукла давно научилась играть сама.

Винсент наконец-то отходит ещё на несколько шагов, а потом заходит обратно в особняк. Я снова остаюсь одна. Снова под проливным дождём. Всё ещё со своими мыслями и демонами в голове.

Я не стала рассказывать мужу про своё детство и тёмные моменты из прошлого. Вся моя жизнь состоит из таких моментов. Я могла бы боготворить его, бесконечно благодарить. Но... тогда я не была бы собой. Винсент лишь помог мне окончательно раздуть мой огонёк жизни, но он всё ещё убийца. Крови у него на руках столько, что он никогда не сможет отмыться, и я этого никогда не приму.

Я презираю его за то, чем он занимается. За то, чем он зарабатывает на жизнь. И даже за то, что он спас меня из той жизни, которая была до него. Я не просила его, я не умоляла, и я этого не ждала.

Да, я могу показаться неблагодарной сукой, но Винсент не лучше. Он сделал это не ради благого дела — я это знаю. Решил, что я красивая и сломанная игрушка, которая упадёт в руки любого, кто предложит помощь. И я упала, но не так, как думает он. Он видит во мне жертву. Пусть видит. Жертвы не опасны.

Мой взгляд снова возвращается к окну, которое теперь уже плотно закрыто. Новый мужчина в доме. Видимо, муж не сообщил мне, что теперь есть ещё один человек, который будет следить за каждым моим шагом. Будто всех этих охранников недостаточно. Но этот незнакомец совершенно

другой. В его взгляде даже издалека я увидела то, чего никогда раньше не видела. *Узнавание*. Будто он нашёл во мне то, что искал.

Теперь в моём списке дел появилась новая задача — выяснить, кто этот мужчина и что он во мне нашёл.

— Ну что, загадочный незнакомец, — шепчу я в пустоту, всё ещё глядя в закрытое окно на втором этаже, — мы с тобой ещё поиграем.

Слегка улыбнувшись, я повернулась и вошла в особняк. Может быть, меня и считают пешкой, но только пока. Пешка, которая дошла до последней линии, становится ферзём. Этого уже никто не сможет изменить. А тот, кто попробует, быстро исчезнет с моей шахматной доски.

Со своими мыслями я даже и не заметила, как дошла до гардеробной. Ужин. Значит, нужно надеть платье, которое понравится Винсенту. Он всегда был предсказуем в предпочтениях.

Моя рука коротко скользнула по вешалкам, которых здесь, кажется, не меньше пятидесяти, и остановилась на одной из них. Шёлк скользнул по моей коже, и уже через несколько секунд на моём теле, идеально облекая фигуру, красовалось платье.

Я подошла ближе к зеркалу в конце гардеробной и провела взглядом по своей фигуре. Чёрный шёлк облегал меня, как вторая кожа, едва доходя до середины бёдер. Меня считают красивой. Хрупкой. Иногда даже милой.

Я провожу кончиками своих пальцев по поверхности зеркала, очерчивая контуры моей фигуры и оставляя едва заметный след на поверхности. Как же иногда хочется испортить эти формы... Исцарапать лицо, чтобы меня больше не считали пешкой. Я хочу, чтобы все видели то, что происходит у меня внутри. Чтобы меня боялись и считали меня равной. Но не сейчас. Пока ещё не время. Я не могу испортить свой *план* из-за мимолётного желания.

Я слегка напрягаю пальцы, почти царапая ногтями зеркальную поверхность. Сломанная кукла. Пешка в чужой игре. Да, я должна ей быть. Эта игра стоит свеч.

Я натягиваю лёгкую улыбку — искусственную, не затрагивающую глаза — и наконец отпускаю зеркало. Время ужина. Время быть сломанной, но преданной женой.

Ровно в срок я захожу в просторную столовую на первом этаже. Большой обеденный стол на двенадцать персон. Несколько свеч. Множество разных блюд, большинство из которых в итоге останутся нетронутыми. Ужасное расточительство. Интересно, слуги потом забирают эту еду и едят её сами? Или следуют правилам и выбрасывают? Надеюсь, они её забирают. Некоторые — а точнее, большинство — правил Винсента, которые он установил в нашем доме, я никогда не пойму.

Винсент уже сидит во главе стола и, как только я вошла в тяжёлые дубовые двери, не сводит с меня глаз. Я знаю этот взгляд. Он хочет поговорить. И я даже догадываюсь о чём.

Но в этот раз я хочу начать разговор первой.

— Винсент, меня не было всего три дня, — спокойно начинаю я, садясь за стол справа от Винсента. — А ты уже успел поселить в наш дом ещё одного солдатика?

— *Amore mio*, ты же знаешь, что я не обязан отчитываться перед тобой, — сказал он, всё ещё держа меня под наблюдением, даже когда сделал глоток красного вина из бокала. — Арес пробудет тут столько, сколько мне понадобится. Он помогает мне в одном очень важном деле.

Важном деле? Следить за мной или пялиться через окно, как вуайерист? Обычно Винсент всегда говорит мне про свои дела, когда я спрашиваю. Особенно когда я спрашиваю. Почему же в этот раз он скрывает от меня подробности?

Этого солдатика мой муж назвал Аресом. Кровожадный бог войны. Смешно. Интересно, имя подходит под характер владельца? Надо будет это проверить. Как же о нём больше узнать?

— Важное дело? *Caro*, что за секретность? — слегка приподняв бровь, спрашиваю я, внимательно следя за выражением лица моего мужа. — Если у тебя есть какие-нибудь проблемы, то я всегда пытаюсь помочь тебе. Ты же знаешь меня.

Я едва не усмехнулась от своих же слов. Винсент знает ровно столько, сколько я позволяю ему знать. Как же хорошо я играю свою роль. Даже испытываю за себя гордость. Как там говорится... Пока сам себя не похвалишь — никто не

похвалит, верно?

— Дарья, если я не говорю тебе — значит, это не имеет смысла, — уже немного напряжённо отвечает Винсент, отчего я едва не открываю рот. — Я сказал, что Арес останется здесь на некоторое время, и он останется без лишних вопросов.

Ого, такого я точно не ожидала. Значит, проблема действительно важная. Но если мой муж не хочет говорить мне, то придётся выяснять самой. Игра становится всё интереснее и интереснее. По моей коже слегка пошли мурашки от предвкушения. Мне нравится.

Чем же ты занимаешься в моём доме, *солдатик*? Ты не сможешь от меня ничего скрыть, даже если очень сильно будешь этого хотеть. Я всегда узнаю правду любыми способами. Всегда. А способов у меня достаточно.

Оставшийся ужин прошёл в абсолютном молчании. Винсент иногда смотрел в свой телефон, как обычно. Его империя не ждёт. Но хотя бы в этот раз с нами не ужинают его «партнёры», которые так и пожирают меня глазами. Если бы не мой статус, они бы точно съели меня вместо ужина. Отвратительно.

Ближе к концу ужина телефон Винсента снова завибрировал. Он бросил на экран короткий взгляд, и его челюсть едва заметно напряглась.

— Бруклин, — сказал он, поднимаясь из-за стола и промокая губы салфеткой. — Переговоры с русскими. Опять.

Я не спросила, что именно «опять». По тому, как он произнёс это слово — с раздражением, которое он обычно прячет под маской спокойствия, — было ясно: Братва не уступает. Три месяца дележа территорий, три месяца напряжения, которое уже перетекло из войны в переговоры. Но до продвижения ещё далеко. Для Винсента это проблема. Для меня — *возможность*.

Он уехал через десять минут. Я слышала, как хлопнули двери чёрного внедорожника, как зарычал двигатель, как машины одна за другой выкатились за ворота. Основные охранники уехали вместе с ним. Остались только те, кто патрулирует периметр. На запасном выходе с территории открывается свободный доступ — на десять минут. Чаще всего — семь. И это моё время.

Я поднялась в гардеробную и быстро переоделась из платья в широкую чёрную толстовку с капюшоном и чёрные спортивные штаны. Странно выглядит при свете дня, но удобно в тени.

Выхожу из особняка, оглядываясь по сторонам. Три секунды справа. Три секунды слева. Две секунды назад. А потом — только вперёд. Дождь всё ещё идёт, мелкий и холодный, и капли стучат по капюшону, заглушая шаги. Полезно.

Ключи от запасной машины лежат там, где я их оставила — под камнем у стены старой оранжереи. Неброский серый «Хонда», купленный год назад через подставное имя. Не моя. Не Винсента. *Ничья*.

И уже через три минуты я сижу за рулём. Ненавижу водить, но это единственный способ выехать за территорию незаметно и быстро. В мой телефон встроено устройство слежения — подарок от любимого мужа — поэтому я оставила его в спальне, на тумбочке, где он обычно лежит.

Мотор заводится с первого раза. Я выкручиваю руль и медленно выкатываюсь на дорогу. Дождь стучит по лобовому стеклу, дворники скрипят, и в этом скрипе мне слышится что-то похожее на смех. Мой собственный смех. Над собой. Над Винсентом. Над всеми.

Еду без навигатора, поэтому пару раз путаюсь в поворотах и вместо двадцати минут добираюсь до места назначения за сорок. Плохо, но не критично. Руки немного дрожат, когда я останавливаю машину. Не от страха, от адреналина. Я уже давно не чувствовала ничего подобного. Пальцы сжимают руль крепче, чем нужно. Отпускаю.

Надеюсь, солдатик следит за мной. Он должен следить. Потому что именно для него я так постаралась над этой игрой. Пусть увидит, что жена его босса умеет исчезать из золотой клетки. Пусть попробует понять, зачем. Пусть подумает, что поймал меня — и ошибётся.

Всё для тебя, бог войны. Не подведи меня. Я жду тебя.

Глава 4. Кровь

Ошибка новичка - видеть предателя в каждой тени. Ошибка мастера - невидеть игрока в той, кто не боится твоей тени. Роковая ошибка - прижать к доске фигуру, которая улыбается.

Я стоял на открытой террасе, осматривая территорию особняка. Привычка, выработанная годами. Я слышал рычание машин, выезжающих за пределы этой крепости. Винсент уехал, а с ним и половина охраны. Особняк показался тихим. Слишком тихим. А это никогда не бывает просто так.

И, как всегда, я оказался абсолютно прав. Я даже не сомневался, что эта маленькая предательница использует все дыры в защите и контроле. Она кралась как вор в собственном доме. Даже сменила одежду. Стала маленьким призраком в черной толстовке с капюшоном. Я невольно усмехнулся от этого. Многие люди предсказуемы. Думают, что если они наденут черное, то их не заметят. Самая банальная ошибка. По крайней мере, я всегда замечаю тех, кто пытается что-то скрыть.

Но, оказывается, Дарья Гаттони не так предсказуема, как я думал еще несколько секунд назад. Она достала из-под кам-

ня что-то маленькое и черное, а потом быстро исчезла за дверью.

Я не стал ждать слишком долго. Я убрал свой пистолет в карман своего пиджака и достал ключи от собственной машины. Если она что-то задумала и встречается с врагами Гаттони, то я это узнаю и поймаю её на месте. Я всегда выполняю свою работу безупречно. И этот случай не станет исключением. *Я этого не потерплю.*

Я сел в свою черную «Ауди» и завел двигатель, срываясь с места и выезжая через главные ворота. Мне не нужно скрываться. Наконец-то произошло хотя бы что-то интересное за эти грёбаные три дня в роскошных, но унылых стенах.

Я ехал за её неприметной серой машиной все время, держась на небольшом расстоянии, чтобы она меня не заметила. Я не выпускал из виду её машину. Она не скроется от меня. Не сегодня. Не в этой жизни. Хотя жить ей осталось недолго. Когда Винсент узнает о том, что это именно она выкладывает все его секреты врагам, он даже не заметит того, что она его жена. В нашем мире молчание — это *святыня*, а предательство оплачивается кровью.

Она остановилась в каком-то из захудалых кварталов Нью-Йорка. Квартал отбросов. Всегда так называю такие районы. В них живут только те, кто уже больше не может бороться с этим городом, и они просто ждут момента, когда их раздавят. Необычное место для встречи. Мафиози обычно не замечают такие места. У них своя экосистема. Но, может,

в этом и заключается суть того, что Винсент все еще не раскрыл свою жену.

Я останавливаюсь в нескольких десятках метров от машины Дарьи и сразу же выхожу, даже не заглушая двигатель. Когда она открывает водительскую дверь, то я сразу же оказываюсь рядом с ней.

Без слов. Без объяснений и лживых оправданий. Я хватаю её за запястье и скручиваю его за её спиной, повалив на асфальт. Теперь я нависаю сверху, опираясь коленями на мокрый асфальт, но мне плевать на состояние моих брюк. Мне нужны доказательства. Мне нужна информация.

Одной рукой я всё еще крепко держу ее, прижимая щекой к грязному асфальту, а другая моя рука начинает быстро и точно выворачивать все её карманы.

— Знаешь, *солдатик*, — голос у неё ровный, будто она не щекой по грязи, а в кресле у камина. — Я думала, ты подойдёшь. Скажешь «здравствуйте». Может, руку предложишь. А ты... — она медленно выдыхает, и я чувствую, как её ребра двигаются под моей ладонью. — Ты сразу к делу. Мне это даже нравится.

На секунду я замираю, почти забывая о том, что только что делал. Она не паникует. Она не кричит. Она не пытается вырваться и не начинает рыдать, умоляя о том, чтобы её отпустили.

И более того, она назвала меня «солдати́ком». Что это за прозвище такое? Когда она успела его придумать? Я не ка-

кой-то чёртов пустоголовый солдат под контролем Винсента. Я вообще не подчиняюсь никому, кроме себя. Это мой *принцип* с тринадцати лет, когда я выполнил свой первый заказ вместе с моим братом.

— Когда Винсент узнает, что ты его сливаешь, — он не будет спрашивать. Он просто начнёт резать, как крысу. С пальцев, — почти прорычал я ей в ухо. Она точно почувствовала моё дыхание с нотками виски и пороха. — Советую тебе молчать, если ты не хочешь, чтобы я отрезал тебе язык прямо сейчас.

— Крыса, — повторяет она. Медленно. Смакуя слово, будто пробует его на вкус. — Знаешь, что я думаю, *солдатик*? Ты не в первый раз ошибаешься. Просто обычно тебе везет. Или ты убиваешь раньше, чем успеваешь понять, что ошибся.

Она поворачивает голову — насколько позволяет моя рука на её затылке — и смотрит на меня одним глазом. Голубым. Спокойным.

— Так что, убьёшь меня сейчас? Или подождёшь, пока я скажу что-то, что тебе не понравится?

Я не нашел абсолютно ничего в её карманах, кроме ключей от машины. Я их, естественно, забрал. Но это не то, что я ожидал. Я ожидал паники, криков или хотя бы слез. Может быть, даже отчаянного признания. Но вместо этого услышал только насмешку и идиотское прозвище, которое сумело вывести меня из себя с первого раза.

Отпускаю её запястье. Не помогаю встать. Стою над ней, и капли дождя падают с моих волос ей на лицо. Она не моргает.

— Я знаю, что это ты, — говорю я. И это правда. На девяносто пять процентов. Но эти пять... они скребут где-то под рёбрами.

— Знаешь? — она садится. Медленно. Не отряхивается. Просто смотрит снизу вверх. — Или хочешь знать? Потому что если бы знал — я была бы уже мертва. А я дышу. Пока что.

Я не успел сказать то, что собирался. Мне помешал толчок в моё плечо. Для меня это было словно небольшое досадное недоразумение, но тот, кто толкнул меня, видимо, приложил максимум усилий.

— Дарья!

Голос молодой. Ломающийся. Я успеваю повернуть голову ровно настолько, чтобы увидеть какого-то пацана в потертой куртке.

— Ты кто такой? — выдыхает он, и я слышу, как у него колотится сердце. Быстро. Испуганно. Но он не отходит. Смелый? Глупый? Обычно это одно и то же.

— Все в порядке, Лукас, — спокойно ответила она, пока Лукас помогал ей встать. Он смотрел на неё так, словно она его единственный луч света и чистоты в этом мире. — Это... *солдатик*. Он мой друг, мы с ним так шутим.

Она опять назвала меня «солдатик». Даже представила

меня этим прозвищем. Я стиснул свои челюсти так, что, казалось, мои зубы скоро превратятся в пыль. Но это было сейчас не главное. Что это за подросток в пубертатном периоде? Светлые волосы, карие глаза, которые, казалось, видели больше, чем должен был видеть ребенок в его возрасте. Его одежда была потертой, дешевой. Он явно из этого района.

— Солдатик? — Лукас смотрит на меня. В глазах — страх, но и что-то ещё. Злость. Настоящая. Не показная. — Если ты её хоть пальцем...

— Лукас.

Она просто произносит его имя. Одно слово. И он замолкает. Сглатывает. Отступает на полшага.

Она наклоняется к его уху и что-то шепчет. Я слышу только обрывок — что-то про «потом» и «не сейчас». Мальчишка кивает. Нехотя. Но кивает.

Я не смог сдержать тихого, презрительного смешка. Лукас был похож на котенка, который лезет ко льву. Он явно никак не был связан с мафией. Я бы сразу это заметил. В нем не было ничего особенного. Обычный мальчик с тяжелой жизнью.

— Ты бы сначала вырос, — говорю я. Не громко. Просто факт. — А потом уже выбирал, с кем драться.

Я не смотрю на мальчишку. Он не стоит моего внимания. Я смотрю на неё.

— Тридцать секунд. Потом я перестаю быть вежливым.

— Ты и не начинал, — отвечает она, — Ты сам за мной

проследил, а я еще должна оправдываться? — она фыркнула. Она действительно фыркнула в ответ на мои угрозы. — Это не твое дело, Арес. Включай свою фантазию, если тебе так хочется это сделать.

— Ты вообще понимаешь, что тебя ждёт, сумасшедшая? — Я нависаю. Близко. Слишком близко. Я чувствую запах дождя на её волосах и что-то ещё. Что-то цветочное. Не из дешёвых. — Винсент не спрашивает. Винсент не слушает. Винсент просто делает.

Я жду, что она отступит. Что хотя бы моргнёт. Она не делает ни того, ни другого.

— Тогда зачем ты мне это рассказываешь? — спрашивает она, немного приподняв одну бровь и прожигая меня своим взглядом. — Если бы хотел сдать — уже бы сдал. Значит, не хочешь.

Она права. И я ненавижу это.

Я ожидал страха. Хотя бы чего-то, чтобы я понял, что она действительно осознала всю ситуацию. Но эта девчонка лишь закатила глаза. Её глаза цвета чистого неба в этом грязном районе казались мне единственным светлым пятном. Она больше не сказала ни слова. Не сжалась под моим напором. Она развернулась, взяла Лукаса за руку и пошла в сторону одного из подъездов, который казался забытым и почти заброшенным.

Я несколько мгновений стоял на месте, глядя на её удаляющуюся фигуру, а потом сорвался с места и пошел вслед за

ними в подъезд.

Дарья Гаттони не отделается от меня так просто. Теперь это уже не было моей работой. Это был мой *принцип*. Я не позволю ей уйти, не объяснившись. Она, как я уже начинаю подозревать, не предатель. Слишком... умна для этого. Слишком *непредсказуема*. Но это не значит, что я позволю ей обесценивать мои угрозы.

Она не жертва. Я уверен в этом уже больше, чем раньше был уверен в том, что она предатель. Она играет в двойную игру. В свою игру. Но, если она и думает, что может провести меня, то глубоко в этом ошибается. Я не позволю ей этого. Я — Арес Слейтер. *И будь я проклят*, если позволю ей считать, что она когда-либо сможет превзойти меня в том, что она задумала.

Глава 5. Шёлк

**В шахматах побеждает не тот, кто делает ходы.
А тот, кто решает, когда их делать. Иногда это
одно и тоже лицо. Иногда - нет.**

Мы с Лукасом зашли в подъезд, где находится квартира его родителей. Точнее, наших родителей. С шестнадцати до восемнадцати лет я жила в их семье. Лукас тогда был ещё маленьким, но меня запомнил. Пока меня не вышвырнули на улицу, как дворовую кошку. Не понимаю, когда он успел вырасти настолько, чтобы угрожать мужчине, который втрое больше него, лишь бы защитить меня. *Мой маленький герой.* Но он всё равно позже за это получит от меня.

Мы с Лукасом поднялись на третий этаж по лестнице. Стены разрисованы граффити, краска уже потрескалась, и, казалось, здесь пахло вековой затхлостью. Из квартир доносился запах перегара, где-то — дешёвой китайской еды, а из некоторых — звуки телевизора и громкие крики. Из квартиры, которая нам нужна, через дверь доносились крики Эвелин и Ноя, родителей Лукаса.

— Они опять за своё? — говорю громче, чем нужно, что-

бы хотя бы попытаться заглушить эти звуки. — Я тебе говорила уже сотню раз: если они ссорятся, сразу уходишь к друзьям.

Я сажусь на вторую ступеньку лестницы, ведущей уже на четвёртый этаж, даже не обращая внимания на грязь и пыль. Наше с Лукасом неизменное место.

— Не могу же я постоянно шататься от одних друзей к другим, — недовольно пробормотал Лукас, садясь рядом со мной и сразу же закидывая руку мне на плечи. Я чувствую этот знакомый, почти родной запах теплоты, хотя он перемешан с резким запахом дешёвого табака, которым пропиталась одежда Лукаса. — Ощущаю себя, как...

— Как убогий, — заканчиваю я за Лукаса. — Ты говоришь это каждый раз, когда я прихожу.

Я не поддерживаю Лукаса. Не говорю банальных фраз вроде «всё будет хорошо» или «ты справишься». Ведь этого никогда не будет. А те, кто так говорит, просто не понимают ничего из того, через что проходят такие люди, как Лукас или я.

— А ты с каждым разом всё больше становишься богатой сучкой с Манхэттена, — замечает Лукас, хмыкнув и слегка толкая меня плечом. — Ещё и привела с собой... как его там?

— *Солдатика*. И вообще, это не я привела его, он сам пришёл и сейчас стоит и подслушивает.

Я опускаю взгляд в проём между этажами и немного высываю голову. Никого нет. Но я знаю, что он там. Он бы

не отпустил меня так просто. Он бы не принял мою победу в нашей маленькой игре. И, естественно, я была права.

По подъезду разносятся тяжёлые шаги, и уже через несколько секунд передо мной и Лукасом возвышается тёмная фигура Ареса. Он недоволен. Это заметно, но я замечаю больше. Он недоволен тем, что не понимает, что именно происходит. Кто этот мальчик рядом со мной. И что я вообще здесь делаю. Но было бы слишком легко, если бы я ему всё объяснила.

— Я думала, что в детстве всех учат, что подслушивать — это плохо, — усмехнувшись, проговариваю я, не вставая со ступеньки. — Но даже в этом случаются исключения. Зато подаёшь плохой пример младшему поколению.

— Моя угроза про отрезание языка всё ещё в силе, — уже более спокойно отвечает Арес, смотря на меня сверху вниз так, будто хочет, чтобы я почувствовала себя маленькой. Он этого не дожждётся. — Но сначала всё-таки прострелю этому щенку плечо.

Я лишь слегка прищуриваюсь. Ненавижу, когда Лукасу угрожают. Тем более те, от которых я ещё не знаю, чего ждать. Но когда рука Ареса тянется к внутреннему карману пиджака, я встаю на ноги и делаю шаг ближе к солдатику.

— Пистолет можешь оставить при себе, Арес, — я цежу сквозь зубы, хватаю его за запястье и сжимаю чуть сильнее, чем нужно было бы. Его кожа обжигающе горячая по сравнению с моими прохладными пальцами. Мои пальцы едва

обхватывают половину запястья. Я не позволю Лукасу увидеть пистолет. *Никогда.*

— Надо было сделать так сразу, *сумасшедшая.*

Он сбрасывает моё запястье так, словно это просто насекомое, которое ему помешало, и опускает руку. *Чёртов монстр.* Он специально. Он бы не сделал этого. Но просто хотел увидеть мою реакцию. И он смог её получить. Пусть радуется своей небольшой победе, пока ещё может.

— Дарья? — сдавленно говорит Лукас, вставая со ступеньки во весь свой рост, который по сравнению с Аресом кажется до смешного маленьким.

Я не отвечаю. Не сразу. Я едва слышно выдыхаю, прожигая своим взглядом лицо Ареса, а потом снова натягиваю на себя спокойное выражение лица. Насколько это вообще возможно в данном случае. И только после этого поворачиваюсь к Лукасу. Мои волосы слегка касаются ткани пиджака солдатака.

— *Солдатик* решил нам помочь разнять этих двух идиотов, — я киваю в сторону двери, из-за которой всё ещё доносятся резкие крики. — Сиди здесь. Мы быстро разберёмся.

Я слегка провожу рукой по предплечью Лукаса в успокаивающем жесте. Единственная поддержка, на которую я способна. Только с Лукасом. Только для младшего брата, которого я выбрала себе сама.

Разворачиваюсь и взглядом указываю Аресу на дверь. Я не спрашиваю, но и не приказываю. Он поймёт и пойдёт. Он

явно не глупый мальчик. Я иду вперёд и дёргаю за ручку двери. Она сразу поддаётся. Никогда не закрывают дверь. В этом гнилом районе они даже не думают о своей безопасности, не то что о безопасности собственного ребёнка.

Я захожу в квартиру, оставляя дверь открытой для Ареса. Квартира выглядит не лучше подъезда. Ничего не изменилось с последнего моего визита. Запах перегара, который сразу врзается в ноздри, отслаивающиеся обои на стенах. Раньше они были бежевые, сейчас — ближе к серому или светло-коричневому. Полумрак здесь не для атмосферы или дизайна, а просто потому, что многие лампы уже перегорели, и никто даже не собирается их менять.

— Хотел похвастаться своим пистолетом, *солдатик*? — бросаю я через плечо перед входом на кухню, где сейчас эпицентр шума. — Сейчас самое время это сделать.

Открываю дверь кухни и сразу же вхожу в густой дым от сигарет и ещё бог знает чего. За столом сидят Эвелин и Ной. Жизнь их значительно потрепала, хотя они ещё не особо старые. Но алкоголь и малоподвижный образ жизни сделали своё дело.

— Опять носишься за этой девкой! — кричит Эвелин, размахивая руками так, что водка из её стакана расплещивается на поверхность стола и без того грязного паркета. — Ненавижу тебя! Я тебя убью, понял?

Они даже не обращают внимания на меня и на Ареса за моей спиной. Скорее всего, уже дошли до состояния, когда

мир перед глазами расплывается и взгляд едва фокусируется на чём-то одном.

Я не говорю ни слова. Не кричу. Не паникую. За всю свою жизнь я видела ссоры и похуже. Подхожу к столу, и только тогда они оба наконец замечают меня. Даже с достаточного расстояния я чувствую запах спирта в их дыхании. Но не морщусь и не проявляю ни капли брезгливости. Они не дождутся от меня ни одной человеческой реакции, которая должна была бы быть у обычного человека.

Я бросаю мимолётный взгляд на Ареса. Его лицо не выражает эмоций, но я вижу, что он начинает догадываться, что именно происходит. Он выстраивает в своей голове логические цепочки и внимательно наблюдает за моей реакцией. Он ждёт моих действий. Моих эмоций. Выискивает мои страхи и уязвимости. Но сейчас он их точно не найдёт. Он не пытается никак вмешаться. Он хочет узнать, как именно я собираюсь разбираться с этой проблемой. И я с удовольствием покажу ему *шоу*.

— У вас есть двадцать секунд, чтобы встать и выйти из чёртовой квартиры, — чётко и сухо говорю, беря открытую бутылку водки со стола и начиная методично разливать остатки по полу. — Раз, два, три, четыре...

Я начинаю отсчёт, выплескивая всё содержимое бутылки. В нос бьёт запах дешёвого алкоголя, но я продолжаю. Эвелин и Ной сразу же вскакивают со своих мест. Они знают, что я больше не шучу. Не с ними. Ни с кем.

Ной бросает на меня презрительный взгляд. Собирается что-то сказать, высказать свое никому ненужное мнение, но Эвелин хватает его за плечо и решительно уводит. Они выбегают из кухни ровно в тот момент, когда я отбрасываю пустую стеклянную бутылку в сторону. Она с глухим стуком приземляется на пол, даже не разбиваясь. Я беру потёртую зажигалку со стола, открываю крышку и делаю первый щелчок.

Входная дверь пронзительно громко хлопает, и я закрываю зажигалку, кладя её снова на стол. Слабаки. Не понимаю, почему раньше я позволяла им себя бить и издеваться надо мной. Но я больше не та потерянная девчонка. А они больше не мои приёмные родители. Теперь я не могу больше защищать Лукаса круглосуточно, но стараюсь, чтобы каждый мой визит оставлял глубокое впечатление на Эвелин и Ноя. И пока это у меня прекрасно получается.

— Я догадывался, что ты непредсказуемая, — наконец подал голос Арес, который всё это время стоял стороне. — Но теперь я просто уверен в этом. На девяносто восемь процентов.

— Девяносто восемь процентов? — переспрашиваю я, поворачиваясь к нему и скрещая руки на груди. — Я думала, что произвожу более... *неизгладимое* впечатление.

— Никогда нельзя быть уверенным в чём-то на сто процентов. Это правило, которое помогает выживать в нашем мире.

Арес подошёл ближе на три шага, наступая прямо в лужу алкоголя на паркете. Носки его туфель мгновенно потемнели, но он даже не взглянул вниз. Протягивает руку, но не ко мне. К столу. Проводит пальцами по поверхности, собирая с неё пыль, и на мгновение в его глазах появляется едва заметная тень отвращения. Он опускает руку обратно. Снова поднимает взгляд на меня.

— Ты не крыса, — утвердительно произносит он. Не вопрос — просто факт. Словно он уже всё рассудил в своей голове за то время, пока наблюдал за этим шоу. — Но ты и не обычная несчастная девчонка. Кто же ты на самом деле, *сумасшедшая*?

— Может, я просто сумасшедшая, которой не хватает внимания от мужа, и она ищет его в других мужчинах? — расслабленно и расплывчато отвечаю, немного прищутив глаза. На моих губах играет лёгкая усмешка. — А может, я жертва обстоятельств, которой приходится выживать?

Я не ответила солдатику прямо. Не дала ему ни единого ответа. Лишь больше мыслей, которые ему придётся обдумывать и пытаться дополнить деталями, которых у него нет. Я чувствовала жар его тела. Он буквально закипал изнутри от того, что не мог расколоть меня, в то время как я оставалась холодной загадкой, которую он пытался разгадать.

— Какая же ты... *сумасшедшая*, — прорычал Арес. Его зрачки слегка расширились, поглощая тёмно-зелёную радужку от раздражения. Или чего-то ещё. Ещё не видела та-

кой эмоции в глазах у мужчин.

Я подошла ещё на шаг ближе к Аресу. Теперь между нами оставалось несколько ничтожных сантиметров. Я чувствовала горячее дыхание у себя на лбу. Но я не пыталась создать интимную атмосферу. Я действовала исключительно в своих интересах.

Моя рука ловко скользнула в карман брюк Ареса и быстро выловила ключи от серой «Хонды», на которой я приехала. Я не собиралась спрашивать разрешения или ждать момента, когда Арес сам решит отдать мне их. Я просто возвращала себе свою вещь. Арес слегка дернулся, чтобы остановить меня. Но в последний момент остановился и остался неподвижным. Ему было интересно. Ему была интересна я и мои действия. Он мог остановить меня одним движением. Я уже знала это по тому, как он скрутил меня на асфальте. Это было неприятно, придурок. Но на этот раз он, видимо, решил поиграть в мои кошки-мышки.

Я поднимаю ключи на уровень его глаз. Покачиваю. Медленно. Чтобы он успел запомнить. Потом посылаю ему воздушный поцелуй. Короткий, небрежный, как будто мы старые любовники, а не двое незнакомцев, которые только что мерились умом и умением играть в игры.

Выхожу. Спиной чувствую его взгляд. Пусть смотрит. Пусть запоминает. У нас с ним ещё будет время. Но задерживаюсь в подъезде. Перед Лукасом. Рядом с ним.

— Ты всегда можешь положиться на меня, братик. В лю-

бой ситуации, — тихо прошептала я, целуя его в лоб и аккуратно кладя ему в карман кожаной куртки свёрнутую пятидесятидолларовую купюру.

Я в последний раз посмотрела Лукасу в глаза. Потом отошла от него и начала спускаться вниз по лестнице.

Возвращаясь в свою жизнь. В свою игру. В свои планы и цели, которые, как я догадывалась, окончательно уничтожат мою человечность. *Или уничтожат меня.* Но я готова к этому. Я пойду на всё, что будет необходимо.

Глава 6. Кровь

Некоторые фигуры появляются на доске из ниоткуда. Не потому, что их не было. А потому, что кто-то очень тщательно стёр их прошлые партии.

Я не вышел из квартиры сразу вслед за Дарьей. Я обвёл взглядом кухню. Пустые бутылки из-под крепкого алкоголя, грязная посуда, сломанные кухонные шкафы. Бедность и разруха. Типично для таких квартир в таких районах. Но что же связывает Дарью с этим местом? Они близки с Лукасом. *Он — её слабое место.* Даже если она пытается это скрыть, то у неё не выходит. Я заметил всё.

Я вышел из кухни и пошёл по коридору, заглядывая на секунду в каждую комнату. Квартира не маленькая, но узкая. Мои плечи едва вмещаются в дверные проёмы. Я наткнулся на единственную комнату, которая выглядит более опрятной. Насколько это возможно для такого места.

На письменном столе мой взгляд наткнулся на книгу, которая выглядела слишком дорогой. Слишком заметной. Детская сказка «Le avventure di Pinocchio». Я не знаю итальянского, но я понял, что это за сказка. Банальная. Обычная.

Я пролистал несколько страниц. Полностью на итальянском, но рядом с каждым словом был написан перевод. Женский, аккуратный почерк. Такой коллекционный экземпляр обычно не портят.

Я взял книгу полностью в руки и поднёс ближе к лицу, чтобы лучше рассмотреть почерк. Но из книги выпал какой-то небольшой листок. Я закрыл книгу и убрал её обратно, чтобы наклониться и подобрать упавшую находку с пола. Это была фотография.

Дарья и Лукас. Но они оба моложе. Оба улыбаются, глядя в камеру. Никогда не видел у неё такой улыбки. Искренней, широкой и по-настоящему радостной. Казалось, она светится изнутри. Я вообще не видел у неё улыбки, кроме той, которая даже не затрагивает глаз. *Маска*. Я достал свой телефон из кармана брюк и сфотографировал эту фотографию. Пригодится.

— Проваливай из моей комнаты, урод, — воскликнул уже знакомый ломаный голос Лукаса, а потом я почувствовал лёгкий толчок в свою спину. Опять.

— Держи свои руки при себе, Лукас, — процедил я сквозь зубы, убирая фотографию на место и разворачиваясь к Лукасу. Медленно. Угрожающе. — Дарья здесь нет, чтобы защитить тебя. А я могу быть очень опасным, если захочу.

— Говоришь, как самоуверенный придурок, — проворчал щенок в кожаной куртке, видимо пытаясь сделать максимально серьёзное выражение лица, хотя получалось скорее

комично, — Не лезь к моей сестре, у неё есть муж, и он тебя покалечит.

Мне захотелось рассмеяться в голос. Он пытается угрожать мне. Моим же боссом. Но я лишь приподнял уголки губ в подобии усмешки. Смешно, но он мне уже надоел. Он не понимает, с кем имеет дело, и я с удовольствием покажу, что некоторых людей лучше не злить.

Я поднимаю руку и опускаю во внутренний карман пиджака. Этот пацан сразу напрягается. Он догадывается, что сейчас произойдёт. Его зрачки расширяются, а дыхание учащается. Он уже готов сорваться с места и убежать как можно дальше отсюда. Страх в чистом виде. А страх всегда даёт власть. И я с удовольствием забираю её себе. Достая пистолет из кармана и приставляю его прямо ко лбу Лукаса.

— Говоришь, я придурок, Лукас? — спрашиваю я, держа его взгляд в своём внимании и слегка надавливая пистолетом, — Твоя сестра смелее тебя, но, думаю, ты намного полезнее. Ты ведь расскажешь мне что-нибудь интересное про Дарью, верно?

Он сглатывает, но не может произнести ни слова. Страх сковал его горло. Я не тороплю его. Не говорю больше ни слова. Даже через расстояние пистолета я чувствую, как колотится сердце Лукаса, словно загнанная птица в клетке. Я не собираюсь в него стрелять. Даже у наёмного убийцы есть *принципы*. Но страх — главный помощник в выведывании информации самым быстрым способом. А я хочу узнать о

Дарье всё.

— Я не... я ничего тебе не скажу, — прищулив глаза, произнес Лукас. Смело. Но очень глупо. Я ничего не отвечаю. Просто жду. Показываю, что не намерен играть в поддавки. Он уже достаточно взрослый, чтобы понять всё, что сейчас от него требуется.

— Дарью... определили в нашу семью из какого-то другого места, когда ей было не больше... шестнадцати, — неуверенно и тихо пробормотал Лукас. Мне пришлось наклониться чуть ближе, отчего Лукас снова сглотнул, — Она боится... змей и ещё вроде пауков... Больше я не знаю, правда.

— Из какого другого места? Какая у неё была фамилия до этого? — я уже настойчиво спрашиваю. — Мне плевать на пауков или чёртовых змей. Мне нужна информация.

— Я не знаю, честно, — воскликнул Лукас, его глаза начали слегка блестеть. Значит, говорит правду. Я всегда замечаю, когда мне врут. — Я был маленьким и ничего не помню. Она меня всегда защищала, она хорошая.

«Хорошая». Банальное и детское слово. Лукас — *ребёнок*. Но я приставил пистолет ко лбу этого ребёнка. Я не жалею об этом, я получил хотя бы крупицу информации, которая может мне пригодиться.

Я кивнул и быстро убрал пистолет обратно в карман пиджака. Лукас облегчённо вздохнул и мгновенно сорвался с места, убегая куда-то вглубь квартиры. Пусть бежит. Я получил всё, что мог, и теперь мне больше незачем оставаться в

этом убогом месте.

Я не поехал обратно в особняк Гаттони. Не проведу там ни минуты дольше, чем необходимо для выполнения работы. У меня появилась информация, значит, её нужно отрабатывать. Я уже понял, что Дарья — не предатель. У меня есть догадки о том, что требует от меня Винсент, но я не могу оставить Дарью в покое. Я не привык, чтобы меня не боялись. Чтобы со мной играли так, будто я всего лишь пешка. И я не позволю этой загадке остаться неразгаданной.

Вместо этого приехал на Стейтен-Айленд. Тихий боро. Спокойное место. Мафии здесь делать нечего. Но именно здесь находится тот, кто помогает мне с делами, которые я не могу решить самостоятельно. Умный, заносчивый придурок, который берёт с меня двойную цену лишь за то, что я знаю его имя. Логан. Я не привык работать с теми, о ком ничего не знаю. Но он оказался принципиальным, а я не собирался менять его. Он был лучшим в своём деле. Именно поэтому каждый раз я готов выложить столько, сколько он просит.

Я заехал на территорию обычного многоквартирного дома, который выглядит так, будто здесь обосновался дом престарелых для тех, у кого психические отклонения и бзик на перфекционизм. Ненавижу это место и людей здесь, которые смотрят на меня так, будто я пришёл, чтобы ускорить завер-

шение их идеальных жизней. Я бы сделал это быстро, хоть и болезненно. Но сейчас я здесь не для этого.

— Дарья Гаттони. Двадцать один год. Пять лет назад жила в Браунсвилле. Приёмная семья Харрис. — без приветствий и предисловий, сказал я, заходя в квартиру Логана на первом этаже, закрывая за собой входную дверь с громким хлопком, — Всё, что сможешь найти за тридцать минут.

Я прохожу в тёмную комнату, где расположены мониторы, оборудование, название которых я даже не пытался узнать, и сам Логан, который сидит в своём кресле перед мониторами, словно грёбанный король на троне. Мне плевать, чем он сейчас занимается. Я плачу ему — он делает работу в поставленный срок.

— Эй-эй, полегче, — спокойно проговаривает Логан, разворачивая кресло и смотря на меня снизу вверх. Идиот никогда меня не уважал, но страх присутствует. Это главное. — *Гаттони?* Ты издеваешься, Арес? Я не стану копаться в семье Винсента, ты же знаешь, что он делает с теми, кто лезет не туда.

— Я тебе плачу, а ты не задаёшь лишних вопросов, — процедил я сквозь зубы. Я не хочу ждать. Мне нужна вся информация на Дарью. Я делаю два шага ближе и нависаю над Логаном так, чтобы он почувствовал, что я не намерен ждать, — У тебя двадцать минут. Ты знаешь, что я могу быть убедительнее Винсента.

— Когда-нибудь меня из-за тебя убьют. Тройная цена и

договорились. — пробормотал Логан и после моего резкого кивка развернулся обратно к своим мониторам, принимаясь за работу.

Придурок ставит для меня цены, как только ему вздумается. В обычный день я бы прострелил ему колено или сломал пальцы на левой руке, но сейчас желание узнать про эту *сумасшедшую* перевешивает желание насилия. Она делает меня сумасшедшим, почти одержимым. Я почти начал понимать Винсента. Но только почти. Я ни за что не поведусь на её игры.

— Арес, я нашёл её свидетельство о рождении. Родилась в России, но... — подаёт голос Логан через десять минут, раньше срока. Это может значить либо хорошие, либо плохие новости. Я приму только первый вариант. — Дальше всё обрывается, словно она выпала из жизни или кто-то очень талантливо почистил необходимое. Непонятно, сколько она прожила в России или в каких ещё странах побывала. Последняя информация про Нью-Йорк, Браунсвилл, с шестнадцати до восемнадцати лет и... в двадцать вышла замуж за Винсента Гаттони.

Я молчал, укладывая информацию в голове и выстраивая догадки. Она не могла исчезнуть на шестнадцать лет. Информацию кто-то стёр так, что даже Логан не смог её найти. Слишком подозрительно. Слишком странно. Из моих мыслей меня вырвал Логан.

— Чёрт, Арес, ты заставил меня копать под жену Винсен-

та? Ты вообще представляешь, что будет, если об этом узнают? Они расправятся сначала со мной, а потом придут и за тобой. — возмущённо воскликнул Логан, вскакивая с кресла и подходя ко мне ближе. Я пропустил его остальные слова мимо ушей.

— Ты же умный, разберёшься. — безразлично бросил я через плечо, когда развернулся и пошёл на выход из квартиры.

Она стёрла всё, что могло бы быть использовано против неё. Или рассказало о ней больше, чем она хотела бы рассказать сама. Я сам сделал так же, когда начал работать после смерти брата. *Она похожа на меня.* Даже слишком. Но зачем ей Винсент? Зачем ей притворяться пешкой там, где она могла бы быть ферзём? И что именно она задумала?

На эти вопросы у меня пока не было ответа. Но я не привык сдаваться. Я узнаю про неё всё. И я применю любые способы, чтобы вскрыть её. Способов у меня достаточно. Даже если мне придётся немного подождать, чего я делать не привык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.